Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 147–153. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 147–153. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.9.2. Литература народов мира
УДК 821(510+73).09”20/21”
EDN DTBNXW
https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-147-153

ДИАСПОРА КАК КАТЕГОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Коробко Кристина Вячеславовна, соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия, kristina.korobko@gmail.com, https://orcid.org/0009-0005-9432-8836

Аннотация. В статье диаспора рассматривается как категория литературоведческого анализа, применимая к интерпретации памяти и этнической идентичности в китайско-американской прозе конца XX – начала XXI вв. Материал исследования составляют англоязычные художественные тексты авторов китайского происхождения, включенные в литературное пространство США, на примере произведений Эми Тан, Анчи Мин, Июнь Ли, Ребекки Ф. Куанг и Эмили С.Р. Пэн. Проблема исследования определяется переходом от социально-демографического понимания диаспоры к ее трактовке как аналитической рамки, позволяющей описывать, каким образом миграционный опыт и связь с родиной реальной и «воображаемой» преобразуются в художественную поэтику текста. Методологическую основу составляют теоретические модели диаспоры (У. Сафран, Р. Коэн) и концепции культурной памяти (М. Хальбвакс, Я. Ассман), а также интерпретационный и нарратологический анализ, направленный на выявление повторяющихся поэтических решений в корпусе материала. В результате выделяются типовые стратегии репрезентации памяти и идентичности: нарратив «семейного архива» и межпоколенческая передача опыта; перекодирование культурных знаков; двуязычие и транслингвальные включения как форма памяти; конфликт канона и архива. Делается вывод, что диаспора в данном корпусе выступает ракурсом интерпретации, позволяющим выявлять способы переработки опыта культурного разрыва в художественную поэтику, посредством чего этническая идентичность получает сюжетное и смысловое оформление.

Ключевые слова: диаспора, миграционный опыт, художественная поэтика, китайско-американская проза, этническая идентичность, культурная память, гибридная идентичность, транслингвизм.

Для цитирования: Коробко К.В. Диаспора как категория литературоведческой интерпретации памяти и этнической идентичности в китайско-американской прозе конца XX – начала XXI вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 147–153. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-147-153

Research Article

DIASPORA AS A CATEGORY FOR LITERARY INTERPRETATION OF MEMORY AND ETHNIC IDENTITY IN CHINESE AMERICAN PROSE OF THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Kristina V. Korobko, Kazan (the Volga Region) Federal University, Kazan, Tatarstan autonomy, Russia; Lugansk Pedagogic University, kristina.korobko@gmail.com, https://orcid.org/0009-0005-9432-8836

Abstract. The paper examines diaspora as a category of literary analysis applicable to the interpretation of memory and ethnic identity in Chinese American prose of the late 20th and early 21st centuries. The corpus comprises English-language literary texts by authors of Chinese origin situated within the U.S. literary field, represented by works by Amy Tan, Anchee Min, Yiyun Li, R.F. Kuang, and Emily X.R. Pan. The research problem is defined by a shift from a socio-demographic understanding of diaspora to its treatment as an analytical framework that enables one to describe how migratory experience and ties to both a real and an “imagined” homeland are transformed into the text’s poetics. The methodological framework draws on theories of diaspora (W. Safran, R. Cohen) and concepts of cultural memory (M. Halbwachs, J. Assmann), as well as interpretive and narratological analysis aimed at identifying recurrent poetic patterns across the corpus. The study delineates typical strategies of representing memory and identity – the “family archive” narrative and the intergenerational transmission of experience; the recoding of cultural signs; bilingualism and translingual insertions as a mnemonic device; and the conflict between canon and archive. The paper concludes that, in the texts examined, diaspora functions as an interpretive perspective that

© Коробко К.В., 2026

reveals how the experience of cultural rupture is reworked into literary poetics, whereby ethnic identity acquires narrative and semantic articulation.

Keywords: diaspora, migration experience, literary poetics, Chinese American prose, ethnic identity, cultural memory, hybrid identity, translingualism.

For citation: Korobko K.V. Diaspora as a category for literary interpretation of memory and ethnic identity in Chinese American prose of the late 20th – early 21st centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 147–153. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-147-153

В современном литературоведении понятие диаспоры описывает не только социально-исторический факт расселения, но и особую *культурно-текстовую среду*, в которой коллективный опыт миграции и адаптации встраиваются в устойчивые нарративные модели. Диаспора выступает «пространством письма» – зоной, в которой переизобретаются язык, культурная память и субъектность, а этническая идентичность оформляется как гибридная конструкция: принадлежность к «родине» и «принимающему обществу» постоянно продуцируется и подвергается рефлексии в тексте.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в условиях глобализации и усиления миграционных процессов литература диаспоры становится одной из ключевых зон формирования новых моделей культурной и этнической субъектности и требует уточнения аналитического инструментария. Дополнительную значимость проблеме придает актуальная для современного литературоведения ориентация на изучение нарративов памяти: в диаспорной прозе прошлое является повествовательной конструкцией, организующей сюжет и систему ценностных акцентов. В этом отношении китайско-американская проза конца XX – начала XXI вв. выступает репрезентативным материалом, поскольку позволяет проследить, как семейная, межпоколенческая и культурная память становится механизмом сюжетного и смыслового оформления этнической идентичности, а также как языковые и жанровые гибриды фиксируют опыт культурной пограничности.

Понятие диаспоры сформировалось в междисциплинарном поле, однако в современном литературоведении оно продуктивно как категория анализа поэтики, позволяющая описывать способы художественного моделирования принадлежности и памяти в зоне пересечения культурных и языковых кодов. Не менее важно то, что диаспора мыслится не как «тема», а как *оптика чтения* и *модель художественного мира*. В зарубежных исследованиях [Safran; Cohen] диаспора задает понятийную рамку для обсуждения устойчивых моделей «родины», мотивов утраты и возвращения, а в культурной теории и литературной критике осмысляется как способ художественного высказывания [Chow; Ma; Shih]. Принципиально важно, что диаспора рассматривается не как «внешний социальный фон» миграции, а как структурирующий принцип литературного текста. Так, в работах по мультикультурализму и этническим литературам США [Ань; Ващенко; Марченко; Тлостанова] обозначается, что «пограничные» литературы производят собственные эстетические формы – от гибридных жанров до особых стратегий репрезентации инаковости. Также стоит отметить, что существенным методологическим ресурсом для литературоведческого анализа диаспорной прозы выступают исследования культурной памяти [Ассман; Хальбвакс; Assmann; Hirsch], что согласуется с отечественной традицией описания культуры как механизма хранения и переработки смыслов [Лотман]. Наконец, применительно к корпусу китайско-американской прозы значимы отечественные исследования [Бутенина; Букатая], в которых внимание переносится с бинарных оппозиций культурной принадлежности на анализ промежуточных и гибридных форм идентичности в художественном тексте. Характеризуя трансформацию исследовательской парадигмы, Е.М. Бутенина отмечает: «Современный мультикультурный подход открыл, что возможны различные промежуточные образования, пограничные феномены, гибриды, которые, очевидно, и являются наиболее характерными для сегодняшней культурной ситуации» [Бутенина].

Цель статьи состоит в обосновании диаспоры как категории литературоведческой интерпретации и в выявлении того, каким образом в китайско-американской прозе конца XX – начала XXI вв. репрезентация памяти функционирует как механизм конструирования этнической идентичности.

Материал исследования составляют произведения китайско-американской прозы конца XX – начала XXI вв. Под китайско-американской прозой в настоящей работе понимаются англоязычные художественные тексты авторов китайского происхождения, включенные в литературное пространство США и адресованные преимущественно американскому читателю; при этом обращение к китайскому культурному наследию не ограничивается лишь внешней тематикой. Корпус включает тексты пяти авторов, репрезентирующие разные поколения эмиграции и типы диаспорного самосознания. Эми Тан (китайско-американская проза семейной памяти) представляет модель, в которой этническая идентичность реализуется через материнско-дочерний/сестринский

нарративы, семейную хронику и ретроспективную композицию. Анчи Мин (автобиография и исторический роман) соединяет личное свидетельство и реконструкцию «большой» истории, включая травматический опыт и историческую память в англоязычную повествовательную форму. Июнь Ли (психологическая проза с акцентом на фрагментарность и «ненадежность» памяти и травматическое прошлое) показывает, как прошлое встраивается в повествование через различные субъективные версии событий, превращая память в ключевой механизм рефлексии. Ребекка Ф. Куанг вводит в анализ тексты, в которых вопрос о том, кто имеет право говорить от имени культуры и как язык становится инструментом власти, выносится в центр сюжета и одновременно осмысляется на метатекстовом уровне. Эмили С.Р. Пэн представляет «поздний» сегмент китайско-американской прозы, ориентированный на подростковую аудиторию (young adult): в ее текстах проблематика идентичности и семейной памяти раскрывается через призму взросления, переживания утраты и эмоциональной травмы. Таким образом, временной диапазон материала (от 1989 до 2023 г.) позволяет проследить эволюцию китайско-американской литературной традиции от семейно-мемуарных и «романных» форм памяти к текстам, где этническая принадлежность и способы культурной репрезентации получают художественное осмысление с помощью усложнения нарративной перспективы, усиления метатекстового компонента и расширения жанрового спектра.

В связи с возможной вариативностью употребления понятий в исследовательской традиции введем терминологическое уточнение. В настоящей статье «диаспора» используется прежде всего как категория литературоведческого анализа, позволяющая описывать способы художественного моделирования в текстах, возникающих в ситуации миграционного/транснационального опыта. Употребление определения «диаспорный» относится не к «жанру» или «национальной литературе» в целом, а к поэтическим и нарративным механизмам, формирующим в тексте образ идентичности. «Литература диаспоры / диаспорная литература» далее используется в рабочем смысле как обозначение корпуса художественных произведений, созданных авторами эмиграции первого и последующих поколений; при этом в рамках данного исследования материал конкретизируется как китайско-американская проза. Таким образом, диаспора выступает аналитической категорией, а китайско-американская проза – обозначением рассматриваемого корпуса.

Итак, категория пограничности позволяет описать диаспорную субъектность через режим *жизни-на-границе* (между языками, нормами, историческими нарративами, эстетическими канонами). Сообщества могут «усиливать» или «ослаблять» связь с родиной, менять стратегии видимости/невидимости, а идентичность – зависеть от политических и культурных условий. На уровне текстовой организации мотив гибридной идентичности обычно маркируется следующими приемами и сюжетными узлами: *фигура посредника / переводчика* (буквального или символического): персонаж, который вынужден объяснять «свое» чужим и «чужое» своим – Робин Свифт из романа Ребекки Ф. Куанг «Вавилон. Сокрытая история» (*Babel, or the Necessity of Violence*, 2022) или авторская фигура Анчи Мин в ее мемуарах «Красная азалия» (*Red Azalea*, 1994); *сюжеты множественной принадлежности*: не «выбор между», а сосуществование несовпадающих лояльностей (семья / карьера, родной язык / язык успеха, память предков / норма гражданства) – конфликт поколений в творчестве Эми Тан, в частности в романах «Клуб радости и удачи» (*The Joy Luck Club*, 1989), «Жена кухонного бога» (*The Kitchen God's Wife*, 1991), «Сто тайных чувств» (*The Hundred Secret Senses*, 1995) и т. д.; *дискурс стыда / акцента / имени*: имя, произношение, «ошибка» в неродном языке превращаются в маркеры включенности / исключенности – главная героиня из «Ослепительный цвет будущего» (*The Astonishing Color of After*, 2018) Эмили С.Р. Пэн, Ли, практически не знает китайского языка, что лишает возможности восстановить внутреннюю связь с культурой матери и полноценно прожить опыт ее скоропостижной утраты; *раздвоенный хронотоп*: параллель «там / здесь» задается не географически, а как два режима времени – время памяти (возврат в коллективное / личное прошлое, травматическая петля) и время адаптации (ускоренный ритм жизни, практическая направленность, ориентация на социальную мобильность) – двойная временная линия в сюжете романа «Добрее одиночества» (*Kinder Than Solitude*, 2014) Июнь Ли выстраивается как чередование воспоминаний о детстве главных героев, проведенном в Пекине до травматического события, определившего их дальнейшие судьбы, и повествования об их взрослой жизни в Китае и за его пределами, протекающего уже в режиме адаптации и дистанцированного настоящего; *эстетика гибридности*: смешение жанров (мемуар / роман / эссе), монтаж документов и вымысла, интертекстуальная «двойная адресация» (к канону родины и к канону принимающей культуры) – романы Анчи Мин «Стать Мадам Мао» (*Becoming Madame Mao*, 2001), «Императрица Орхидея» (*Empress Orchid*, 2004), «Воспоминания императрицы» (*The Last Empress*, 2007) как альтернативная версия национальной истории.

Вышеперечисленное позволяет прийти к выводу, что художественные тексты диаспоры выполня-

ют двойную функцию: с одной стороны, они создают *архив* культурных практик «покинутого» мира; с другой – демонстрируют, как коллективная память неизбежно изменяется под воздействием иных языков, институтов и норм и становится основой для новой гибридной идентичности. Для анализа диаспорной литературы это различение принципиально – художественный текст часто становится средством перехода от семейной/устной памяти к культурной, «закрепленной» форме, и наоборот, что на уровне поэтики проявляется в типовых стратегиях:

1. **Нарратив «семейного архива».** Романы и мемуарные тексты строятся как собрание свидетельств (письма, дневники, семейные легенды), где личное становится метонимией истории. Внутри этого механизма особенно заметно то, что М. Хирш обозначает как *постпамять* – межпоколенческую передачу опыта (в том числе травматического), который «второе поколение» помнит как бы «своим», хотя получает его через рассказы, образы, поведенческие сценарии [Hirsch]. Например, в романе Эми Тан «Сто тайных чувств» одна из главных героин, Гуань, утверждает, что в своей прошлой жизни жила в небольшой деревне на склоне Чертополоховой горы, расположенной к югу от Чанмяня, в период восстания тайпинов (1850–1864) – одного из крупнейших крестьянских восстаний в истории Китая, направленного против маньчжурской династии Цин. Вспоминая о своей прошлой жизни, она рассуждает: «А какая моя страна? А народ? А семья? На первые два вопроса я сразу знала ответы. Моя страна – Китай, и ей я принадлежала. Я принадлежала к хакка. Но что касалось последнего вопроса, то тут мы с Ибанем были похожи: я не принадлежала никому, только самой себе. Посмотри на меня, Либби-а. Теперь я принадлежу множеству людей. У меня есть семья, у меня есть ты…» [Тан 2025: 213]. Таким образом, память у Эми Тан выступает как форма духовного опыта, связывающая временные линии в единое поле культурной и этнической идентичности. Память о прошлых жизнях становится философским механизмом осмысления судьбы, позволяя осознать смысл принадлежности, родства и любви, выходящих за рамки времени и пространства.

2. **Перекодирование культурных знаков.** Мифы, ритуалы, национальные метанарративы (о родине, происхождении, коллективном историческом опыте) в диаспорном тексте редко сохраняются в «чистом» виде; они переводятся на язык новой аудитории, вступают в диалог с чужой культурной семиосферой, иногда – иронизируются, фрагментируются, соединяются с поп-культурой принимающей страны. Эта трансформация не отменяет факта памяти, а меняет ее режим: память становится *переводимой* и *коммуникативной* в транснациональном поле. Так, в одном из романов Эми Тан – «Кухонный бог и его жена» – обнаруживается переосмысление легенды о Кухонном боге, который, несмотря на то что, будучи человеком, не вел добродетельный образ жизни и предал свою жену, тем не менее был помилован Нефритовым императором и возведен в ранг божества, которому в китайской традиции воздвигались домашние алтари и оказывалось почитание. В конце произведения главная героиня, Уинни Лю, дарит статую для домашнего алтаря своей дочери: «Она будет там жить, но никто не станет называть ее “миссис Кухонный бог”. С чего бы ей носить это имя, раз они с мужем в разводе? <…> Леди Беспечальная. Та, что превращает горе в счастье и не оставляет сожалений» [Тан 2020: 603–605]. Тем самым традиционный миф перекодируется в персонализированный символ женского достоинства и автономии, адресованный уже не коллективной ритуальной практике, а индивидуальному опыту и межпоколенческому диалогу в диаспорном контексте.

3. **Двуязычие и транслингвальные практики как форма памяти.** Включения «родного» языка (лексика, имена собственные, речевые формулы) работают как маркеры культурной принадлежности и одновременно – как напоминание о непереводимом остатке опыта. Диаспорный текст нередко обращается к категориям телесности и быта, закодированных в слове, – названия национальных блюд, семейные обращения, топонимы, а также в слова, фиксирующие вкусовые, тактильные и пространственные ощущения, – благодаря чему лингвистическая деталь приобретает функцию носителя этнокультурной памяти. В «Ослепительный цвет будущего» Эмили С.Р. Пэн мы читаем следующее: «В магазине также продают *fantuan* – это блюдо я знаю: рисовые пирожки с начинкой из сладкой сушеной свинины *song*, краснавато-коричневые и пушистые, как хлопок. В начальной школе я как-то принесла *fantuan* на обед. Когда мои одноклассники увидели начинку *rousing*, то принялись дразнить меня, приговаривая, что я ем пряжу и потом буду кашлять волосяными шариками, как кошка» [Пэн: 90]. Непереводимые на английский язык реалии Китая сохраняются в тексте как знаки «своего» культурного пространства, однако их присутствие сопровождается переживанием стыда. Языковая отличность запускает механизм насмешки и отчуждения, превращая еду – традиционный носитель памяти и семейной идентичности – в источник уязвимости. Важно подчеркнуть, что этот эпизод относится к подростковой прозе (young adult), в рамках которой тема идентичности обычно разворачивается в контексте школьной социализации, зависимости от мнения сверстников и переживания телесной/бытовой «видимости» инаковости.

4. **Конфликт канона и архива.** Диаспорная литература нередко выступает как «архивирующая»

практика: она возвращает маргинализированные сюжеты (женский опыт миграции, бытовую историю, локальные и индивидуальные травмы), которые не включены в официальный национальный канон – ни исходной культуры, ни принимающей страны. «Культурная память питает традицию и коммуникацию, но не исчерпывается ими» [Ассман: 22]. Роман «Стать Мадам Мао» Анчи Мин наглядно демонстрирует описанный выше конфликт: официальный исторический канон представляет образ Цзян Цин как однозначно негативный символ культурной революции, тогда как художественное повествование возвращает в культурную память вытесненный индивидуальный и гендерный опыт. Это особенно ясно проявляется в финальном обращении героини, когда она принимает свою мифологическую природу и обращается к читателям как к зрителям спектакля, в котором сыграла предначертанную роль: «Что ж, пора уходить со сцены. Помните, что вы всегда будете встречать мое имя в книгах о Китае. Не удивляйтесь, если оно будет кое-где вымарано. <…> Я играла со всей страстью и любовью. Те, кто очарован мною, могут сейчас аплодировать. Ну а те, кто возненавидел меня, могут плюнуть. И все же я благодарю вас всех за то, что вы пришли ко мне» [Мин: 443].

Таким образом, обращение диаспорной литературы к мотивам вытесненной памяти и частного переживания создает условия для переосмысления не только исторического прошлого, но и самой этнической идентичности как категории художественного сознания. Особую роль в этом процессе играет женская и межпоколенческая перспектива. Женские персонажи и рассказчицы выступают исполнителями культурной передачи, в рамках которой этническая идентичность воссоздается посредством семейных историй, телесной памяти и опыта миграции. Показательно, что в литературе китайской диаспоры наблюдается значительно более высокая представленность авторов женского пола: Эми Тан, Максин Хонг Кингстон, Юн Чжан, Чжан Лин, Гиш Джен, Июнь Ли, Джин Квок, Го Сяолу, Анчи Мин и др. Произведения женской эмигрантской волны нередко обращаются к историческим и семейным нарративам, для них не характерен феминистский откровенный протест, «они не спорят, но выражают свой взгляд на окружающий мир, их произведения полны чувства собственного достоинства и покоя» [Букатая: 6].

Представленные положения можно проследить на материале романа Эми Тан «Долина забвения» (*The Valley of Amazement*, 2013), в котором двойная этническая идентичность раскрывается через женский опыт культурной пограничности, что особенно ярко проявляется в судьбе главной героини Вайолет, которую обманом разлучают с матерью и продают в китайский бордель. В этой ситуации звучит жестокая формула ее положения: «Однажды судьба распорядилась так, что ты родилась американкой. И судьба же отняла у тебя все права. Теперь ты – полукровка, половина тебя от крови твоего отца – китайца, маньчжура, кантонца, кем бы он ни был. Ты цветок, который будут срывать снова и снова. Ты находишься на дне общества» [Тан 2021: 140]. Принадлежность к двум культурам становится источником ее уязвимости и одновременно основой для формирования специфического женского опыта. Двойственность культурной принадлежности неизбежно порождает внутренние конфликты, связанные с невозможностью однозначного выбора идентичности. Подобная двойственность проявляется как в переживаниях героини, стремящейся обрести устойчивое «я», так и в ее столкновениях с внешними социальными нормами: «Но чем бы я ни занималась, я боялась неизвестного отца, проявлявшегося в моей крови. Неужели его характер тоже проявится, и я стану еще более походить на китайцев? И если это случится, к какому миру я тогда буду принадлежать?» [Тан 2021: 59]. Мы можем наблюдать не только страх Вайолет перед «чужой» частью собственного происхождения, но и более широкий культурный кризис идентичности, связанный с невозможностью интеграции в единую культурную традицию.

Сделанные наблюдения позволяют рассматривать диаспору как продуктивную категорию литературоведческой интерпретации, выявляющую связь между поэтикой текста и механизмами памяти, через которые оформляется этническая идентичность. На материале китайско-американской прозы конца XX – начала XXI в. установлено, что память в диаспорном письме выступает организующим принципом повествования. В корпусе произведений выявлены устойчивые стратегии репрезентации памяти и идентичности: моделирование «семейного архива» как формы культурной передачи, перекодирование знаков исходной традиции в условиях иной культурной среды, двуязычные и транслингвальные включения как средство фиксации опыта культурной принадлежности, а также конфликт канонического исторического нарратива и «архивирующей» функции художественного текста. Совокупность этих приемов формирует художественную модель пограничной субъектности. Литературоведческая значимость полученных результатов состоит в том, что указанные стратегии описываются как элементы поэтики – как способы организации нарратива, композиции и речевой структуры, – и тем самым позволяют анализировать диаспорный опыт не на уровне социологической типологии миграции, а на уровне художественной формы, при помощи которой формируются смысловые и ценностные акценты текста. Такой подход уточняет инструментарий исследования транскультурной прозы:

он показывает, какие именно формальные механизмы обеспечивают превращение культурной памяти в сюжетную динамику и в систему образов, а также каким образом перестраиваются традиционные модели повествования и репрезентации исторического опыта в литературе.

Перспективы дальнейшего исследования связаны, во-первых, с расширением корпуса за счет сравнения китайско-американской прозы с текстами других ветвей китайской диаспоры и с современной прозой материкового Китая, что позволит точнее описать специфические и универсальные механизмы работы памяти в условиях культурного разрыва. Во-вторых, требует отдельной разработки соотношение личной, семейной и культурной памяти в гендерной перспективе, включая способы представления женского опыта миграции и межпоколенческой передачи травматического прошлого.

Список литературы

Источники

Куанг Р.Ф. Вавилон, или Необходимость насилия: сокрытая история революции оксфордских переводчиков / пер. с англ. Н. Рокачевской. Москва: Эксмо, 2024. 640 с.

Куанг Р.Ф. Йеллоуфейс / пер. с англ. А. Шабрина; под ред. И. Куралесиной, Н. Никитиной. Москва: Эксмо, 2025. 432 с.

Куанг Р.Ф. Опиумная война / пер. с англ. Н. Рокачевской. Москва: Эксмо, 2022. 480 с.

Ли Июнь. Добрее одиночества / пер. с англ. Л. Мотылева. Москва: АСТ: CORPUS, 2018. 416 с.

Мин Анчи. Воспоминания императрицы / пер. с англ. Н. Вуля. Санкт-Петербург: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 462 с.

Мин Анчи. Стать Мадам Мао / пер. с англ. М. Павловой. Москва: Гелеос, 2006. 448 с.

Мин Анчи. Императрица Орхидея / пер с англ. М.Л. Карасева. Москва: Гелеос, 2007. 512 с.

Пэн Эмили С.Р. Ослепительный цвет будущего / пер. с англ. А. Захарьевой. Москва: Popcorn Books, 2023. 512 с.

Тан Эми. Долина забвения / пер. с англ. А. Лазаревой. Санкт-Петербург: Аркадия, 2021. 656 с.

Тан Эми. Клуб радости и удачи / пер. с англ. О. Савоскул. Санкт-Петербург: Амфора. ТИД Амфора, 2007. 414 с.

Тан Эми. Кухонный бог и его жена / пер. с англ. Н. Кузовлевой. Санкт-Петербург: Аркадия, 2020. 608 с.

Тан Эми. Сто тайных чувств / пер. с англ. Н. Власовой. Москва: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. 512 с.

Min Anchee. Red Azalea. New York, Berkley Books, 1994, 306 p.

Исследования

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. Москва: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 416 с.

Ань Л. Этническая идентичность и отечественная культура сквозь призму онтологии предметов на материале рассказа Кена Лю «Бумажный зоопарк» // Современное педагогическое образование. 2025. № 7. С. 373–376.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольский. Москва: Языки славянский культуры, 2004. 368 с.

Букатая А.М. Развитие современной китайской женской прозы // Карповские научные чтения. Минск: Белорусский Дом печати, 2015. Вып. 9, ч. 2. С. 3–7.

Бутенина Е.М. Гибридная идентичность как литературная проблема: На материале китайско-американской женской прозы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 26 с.

Ващенко А.В. Мексикано-американская (чикано) этническая литература на пути к трансграничью // Язык. Словесность. Культура. 2013. № 2-3. С. 69–80.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 200–202.

Марченко Т.В. Гибридная языковая личность как междисциплинарная проблема // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. материалов III Национал. (Всерос.) науч.-практ. конф. с междунар. участием; Благовещенск, 17–26 дек. 2024 г. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2025. С. 87–90.

Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. Москва: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 399 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. Москва: Новое изд-во, 2007. 348 с.

Assmann J. Communicative and Cultural Memory. The Geographical Point of View. Knowledge and Space. Springer, 2011, vol. 4, pp. 15–27. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8945-8_2

Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. London, New York, Routledge, 2008, 219 p.

Chow R. Writing Diaspora: Tactics of Intervention in Contemporary Cultural Studies. Bloomington, Indiana University Press, 1993, 223 p.

Hirsch M. Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory. Cambridge, Harvard University Press, 1997, 304 p.

Ma S.-m. Immigrant Subjectivities in Asian American and Asian Diaspora Literatures. Albany, SUNY Press, 1998, 188 p.

Safran W. Diaspora in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. Diaspora A Journal of Transnational Studies, 1991, vol. 1, pp. 83–99. https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004

Shih S.-M. Visuality and Identity: Sinophone Articulations across the Pacific. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2007, 243 p.

References

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], trans. from English by V. Nikolaeva. Moscow, Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2001, 416 p. (In Russ.)

An' L. *Etnicheskaia identichnost' i otechestvennaia kul'tura skvoz' prizmu ontologii predmetov na materiale rasskaza Kena Liu "Bumazhnyi zoopark"* [Ethnic Identity and National Culture Through the Ontology of Things: A Study of Ken Liu's "The Paper Menagerie"]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2025, no. 7, pp. 373–376. (In Russ.)

Assmann J. *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination], trans. from German by M.M. Sokol'skii. Moscow, Iazyki slavianskii kul'tury Publ., 2004, 368 p. (In Russ.)

Bukataia A.M. *Razvitie sovremennoi kitaiskoi zhenskoi prozy* [The Development of Contemporary Chinese Women's Prose]. *Karpovskie nauchnye chteniia* [Karpov Scientific Readings], 2015, no. 9, p. 2, pp. 3–7. (In Russ.)

Butenina E.M. *Gibridnaia identichnost' kak literaturnaia problema: na materiale kitaisko-amerikanskoi zhenskoi prozy XX veka:* avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Hybrid Identity as a Literary Problem: A Study of 20th-Century Chinese American Women's Prose]. Moscow, 2006, 26 p. (In Russ.)

Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamiati* [The Social Frameworks of Memory], trans. from French and with an introductory essay by S.N. Zenkin. Moscow, Novoe izd-vo Publ., 2007, 348 p. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Pamiat' v kul'turologicheskom osveshchenii* [Memory in a Cultural Studies Perspective]. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1* [Selected Articles: in 3 vols. Vol. 1]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 200–202. (In Russ.)

Marchenko T.V. *Gibridnaia iazykovaia lichnost' kak mezhdistsiplinarnaia problema* [The Hybrid Linguistic Personality as an Interdisciplinary Problem]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii: sb. materialov III Natsional. (Vseros.) nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Current Issues of Linguistics and Intercultural Communication: Proceedings of the 3rd National (All-Russian) Scientific and Practical Conference with International Participation], 7–26 December 2024. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2025, pp. 87–90. (In Russ.)

Tlostanova M.V. *Problema mul'tikul'turalizma i literatura SShA kontsa XX veka* [The Problem of Multiculturalism and U.S. Literature of the Late Twentieth Century]. Moscow, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (IMLI RAS), Nasledie Publ., 2000, 399 p. (In Russ.)

Vashchenko A.V. *Meksikano-amerikanskaia (chikano) etnicheskaia literatura na puti k transgranich'iu* [Mexican-American (Chicano) Ethnic Literature on the Path toward the Transborder]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2013, no. 2–3, pp. 69–80. (In Russ.)

Assmann J. Communicative and Cultural Memory. The Geographical Point of View. Knowledge and Space. Springer, 2011, vol. 4, pp. 15–27. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8945-8_2.

Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. London, New York, Routledge Publ., 2008, 219 p.

Chow R. Writing Diaspora: Tactics of Intervention in Contemporary Cultural Studies. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1993, 223 p.

Hirsch M. Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1997, 304 p.

Ma S.-m. Immigrant Subjectivities in Asian American and Asian Diaspora Literatures. Albany, SUNY Press Publ., 1998, 188 p.

Safran W. Diaspora in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. Diaspora A Journal of Transnational Studies, 1991, vol. 1, pp. 83–99. https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004.

Shih S.-M. Visuality and Identity: Sinophone Articulations across the Pacific. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press Publ., 2007, 243 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.